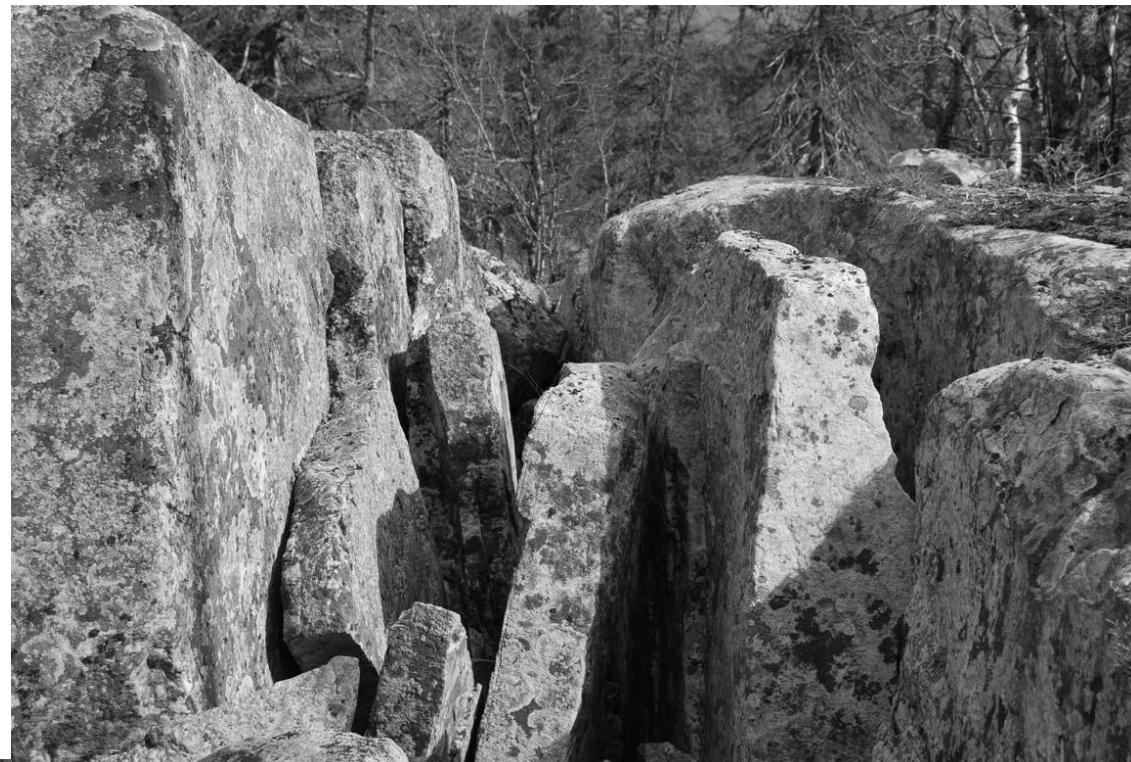

*УЧЕНЫЕ ИНСТИТУТА ГЕОЛОГИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН*

Н.Н.Горюнова, Г.Ц.Лак

**ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
НАДЕЖДЫ И ГАРРИ**
(биографический очерк)

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ГЕОЛОГИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Н.Н.Горюнова, Г.Ц.Лак

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
НАДЕЖДЫ И ГАРРИ
(биографический очерк)

Петрозаводск
2010

УДК 55(092)(470.22)
ББК 26.3г(2Рос.Кар
Г71

Г71 Н.Н.Горюнова, Г.Ц.Лак **ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЬБА НАДЕЖДЫ
И ГАРРИ** (*биографический очерк*). Петрозаводск: Карельский на-
учный центр РАН, 2010. 54 с.
ISBN 978-59274-0448-3

УДК 55(092)(470.22)
ББК 26.3г(2Рос.Кар

Отв. за выпуск докт.геол.-мин.наук *В.В.Щипцов*

ISBN 978-59274-0448-3

© Карельский научный центр РАН, 2010
© Учреждение Российской академии наук
Институт геологии КарНЦ РАН, 2010

Горюнова Надежда Николаевна. Родилась 30 августа 1924 г. в Борисоглебских Слободах Ярославской области. С 1951 г. после окончания Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена по специальности «физическая география» работала в Северо-Западном геологическом управлении (СЗГУ) до 1955 г. С 1955 года поступила на работу в Отдел геологии Карело-Финского филиала АН СССР. Она проработала уже потом в Институте геологии в должности младшего научного сотрудника в лаборатории четвертичной геологии и геоморфологии до выхода на пенсию в 1979 году. Здесь в течение многих лет Н.Н.Горюнова занималась споро-пыльцевым анализом, а затем изучала литологию четвертичных отложений. Участвовала в качестве соисполнителя в разработке нескольких научных тем. Ее исследования по программам этих тем были связаны с изучением вещественного состава четвертичных отложений. Она входила в состав авторского коллектива, создавших карту «Четвертичные отложения Арктики и Субарктики: в циркумполярной проекции» в масштабе 1:2500000. ГУГК, 1965, карту «Поверхности выравнивания и коры выветривания СССР» масштаба 1:2500000 ГУГК, 1971. Ею опубликовано 13 статей. Она соавтор монографии «Строение и история котловины Онежского озера». Петрозаводск, 1971.

Лак Гарри Цалелович. Родился 10 марта 1925 года в г.Риге. 1 ноября 1947 года он был принят на работу в Карело-Финскую научно-исследовательскую базу Академии наук СССР на должность младшего коллектора, не имея даже восьмилетнего образования (рижская гимназия на латышском языке в СССР не засчитывалась). Он проработал в институте геологии более 40 лет. По обстоятельствам учился в Республиканской средней заочной школе. После окончания школы стал младшим научным сотрудником сектора геологии Карельского филиала АН СССР, а затем в 1965 году заочно окончил МГУ по специальности «геоморфология». В 1970 г. Г.Лак защищает кандидатскую диссертацию в Таллинне на Большом ученом совете геолого-химического отделения Академии наук Эстонии. На протяжении многих лет занимался изучением ископаемой диатомовой флоры четвертичных отложений Карелии,

а также вопросами геоморфологии. Возглавлял Карельское отделение северного филиала Всесоюзного географического общества. Был избран на Ученом совете института на должность старшего научного сотрудника. Автор более 60 печатных научных работ. Наиболее значительные из них: Диатомовая флора морских и озерных надморенных отложений в котловине Ладожского озера. – Петрозаводск, 1976; Экологические особенности ископаемой диатомовой флоры северо-восточного побережья Ладожского озера. – Петрозаводск, 1986. В ноябре 1987 г. Г.Лак вышел на пенсию. Уже потом в возрасте семидесяти лет Гарри Цалелович издал в журнале «Север» (№5, 1998) повесть «Дом на Зареке», стал писать воспоминания в жанре литературы роман-исповедь «Во власти своей судьбы». Петрозаводск, 2000. – 240 с. «Путешествие на родину Моисея и Иисуса». Петрозаводск, 2003. – 80 с.; «Земля – наш дом». Петрозаводск, 2005. – 128 с.

К читателю

Данные воспоминания появляются в свет в канун 50-летия Института геологии Карельского научного центра РАН. Авторами биографических воспоминаний выступают бывшие сотрудники института. Они начали работать еще в одном из отделов Карело-Финского филиала АН СССР. Гарри Цалелович Лак поступил на работу в Карело-Финскую научно-исследовательскую базу Академии наук СССР на должность младшего коллектора 01 ноября 1947 года. И надо сказать, что этому содействовала Галина Сергеевна Бискэ, в отряде которой началось с 25 мая 1947 г. его путешествие в геологию. О том периоде Г.Лак пишет: «В секторе геологии ко времени моего прихода сложилась любопытная ситуация. Руководил сектором профессор Петр Алексеевич Борисов – представитель старой научной аристократии. В начале нашего столетия, еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета, он был направлен известнейшим ученым-геологом А.А.Иностранцевым в «страну лесов и озер» для составления геологической карты Олонецкой губернии. С тех пор П.А.Борисов весь свой интеллект и творческую энергию отдал Карелии, заслужив среди геологов этого края почетное звание «отец карельской геологии». Биография Гарри Лака, родившегося в Риге в буржуазной семье, в детские годы связывалась с присутствия в родительском доме гувернантки, с престижной гимназией в Риге и т.д. Дальше, как вспоминает сам Гарри, – «14 июня 1941 года в два часа ночи нас разбудили ударами в дверь, и пять человек, вооруженных винтовками и наганами, ворвались в квартиру».

Судьба сложилась так, что Сайнаволок пригипнотизировал Лака и привязал к себе. Это обстоятельство сыграло существенную роль в судьбе, о чем он подробно пишет в книге «Во власти своей судьбы». В течение 1950-1952 годов под руководством В.С.Порецкой Гарри Цалелович прошел полный курс обучения по диатомовому анализу. Уже в 1954 году была издана первая работа «Диатомовые четвертичных отложений», изд. Ленинградского отделения АН СССР. В Сайнаволоке состоялось знакомство Надежды Горюновой и Гарри Лака в 1954 году.

Вот уже более 55 лет Гарри Цалелович идет по жизни вместе с Надеждой Николаевной Горюновой, так же бывшей научной сотрудницей института. Вот какими словами Гарри Лак завершил последнюю главу книги «Во власти судьбы»: «Возраст и болезни иногда, конечно, наводят на грустные мысли. Однажды я задумался: а что это значит, если меня не будет ? Это значит, что ничего не будет для меня, но для других ведь что-то будет! Вот для этих других я и решил оставить повесть о своей жизни, с ее ошибками и удачами, радостью и печалью и счастливым сознанием, что я еще живу, что я еще дышу и что со мной рядом мой человек по имени НАДЕЖДА».

«Чтобы быть довольным жизнью, надо научиться получать удовольствие от того, что у вас есть, и потерять всякий интерес к тому, чего вы не имеете и не можете иметь».

Акад. В.И.Вернадский.

В одном из самых живописных мест Среднерусской равнины, а именно, в Ярославской области, на конечно-моренных холмах Московского оледенения, имевшего здесь место 100000 – 115000 лет назад, раскинулось множество деревень и сел, среди которых особо выделялись Козлово, Никола-Бой, Яковцево, Внуково, Савинское, Ильинское, расположенных в окрестностях старинного русского города Ростова Великого. Это исконно русские земли, на которых золотисто колосились рожь, пшеница, овес, где произрастали красивейшие дубовые рощи, где клены и липы осенью расцвечивали местность всеми цветами радуги. Здесь размещались усадьбы известнейших дворянских семейств: Шереметьевых, Урусовских, Татищевых, Курбских. Они строили церкви, развалины которых до сих пор красиво возвышаются на вершинах холмов. Они строили школы, о которых до сих пор старожилы вспоминают с добрым чувством благодарности. И именно здесь, в деревне Козлово, в 1924 году 30 сентября, в день ангела Веры, Надежды, Любви и Софьи, в патриархальной русской крестьянской семье появилась на свет девочка, которую отец Николай Николаевич своим единоличным решением назвал Надеждой. Вслед за ней в этой семье появились братья Михаил, Виктор и Василий. Как это было положено в крестьянской семье того времени, девочка Надя с малолетства стала первой помощницей мамы в быту и хозяйстве. Шли годы. Как-то незаметно девочка Надя окончила местную неполную среднюю школу и в 1938 году поступила в педагогическое училище города Ростова.

1942 год. Надежда в звании учительницы начальных классов назначается в свою же Яковцевскую школу, в двух километрах от своего родного дома. Шла уже война, священная народная война, которая со всей жестокостью коснулась Елизаветы Гавриловны,

жены Николая Николаевича, Нади и ее братьев. В августе 1942 года в их дом пришла похоронка, не стало мужа и отца. Не вернулся с войны и Михаил.

Настала пора, хотя бы немного, но все же прикоснуться к тому духовному миру, который окружал Надежду с первых лет ее жизни. До войны она жила как бы в двух разных измерениях, в двух совершенно разных социальных мирах: до коллективизации (1930) и после. До коллективизации нормальная добротная крестьянская жизнь, в которой главенствовал труд от зари до зари, набожность, почтение к церкви, выполнение христианских заветов, уважение к старшим и добропорядочность. Все это рухнуло в одночасье в начале 30-х годов прошлого столетия, когда колхозное обустройство крестьянской жизни вывело под лозунгом «кто был никем, тот станет всем» бедноту к власти. Крестьянские хозяйства подверглись обобществлению, в том числе и Надиных родителей, имущество личных хозяйств было разделено и разграблено, а труд крестьянский был обесценен до ничего не стоящего «трудодня».

На фоне этих событий два очень близких Наде человека – дед Николай Иванович и его жена Александра Федоровна оказали большое влияние на ее мироощущение. Бабушка – Александра Федоровна, за совпадение имени и отчества с женой царя Николая II, еще во времена царской России получила от односельчан прозвище «царица», а ее знание и тяготение к чтению Евангелия прибавили ей второе прозвище – «Библия». Между бабушкой Федоровной и Надей установились очень близкие отношения, что не могло не сказаться на духовности юной девочки. Заметное влияние на мировоззрение Надежды оказывал и ее дед Николай Иванович. Он многие десятки лет проработал огородником в Петербурге у купца Тараканова, который владел большим овощеводческим хозяйством на бывших Турухановских островах в устьевой части реки Невы. Дед был влюблен в Петербург и очарован его красотой. Он долгими зимними вечерами мог часами рассказывать о его истории, архитектуре, соборах, церквях и памятниках. Своими повествованиями дед Николай растревожил юную душу Надежды, она стала видеть этот город в своих снах и грезах, она о нем мечтала. Надо признать, что отношение Нади к людям и окружающему ми-

ру также формировалось под воздействием бабушки Федоровны. Она верила в Бога и добро, но не переносила даже упоминания о коммунистах и всего того, что было с ними связано.

Уже с раннего детства Надежда хорошо пела, танцевала и была душой класса. Кроме того, она была очень общительной девочкой. Как-то, кажется в классе шестом, участвуя в школьной олимпиаде, она взяла призовое место, исполнив с блеском русский танец. Ее наградили грамотой и портретом И.В.Сталина. Придя домой, она в первую очередь похвасталась бабушке и рассказала о своей награде. Увидев портрет Сталина, бабушка так спокойно и уверенно сказала Наде: «А этого унеси корове в стойло!». Влияние бабушки было настолько велико, что Надя сумела противостоять существующему порядку и не поступить в комсомол, за что могла быть жестоко наказана при получении аттестата об окончании школы. Ей угрожала классная руководительница поставить тройку за поведение, что лишало бы ее начисто права поступить в педагогическое училище или институт, даже думать о дальнейшей учебе. Только порядочность и понимание директора школы Ивана Вениаминовича Оносовского, сына дьякона, и его жены Нины Михайловны, дочери священника, преподавательницы русского языка, позволили спасти Надю от больших неприятностей. Школьница Надя была влюблена в Нину Михайловну, очень хотела быть на нее похожей, что, видимо, в конечном итоге и подвигло девушку поступить в педагогическое училище города Ростова Ярославской области, которое она благополучно закончила в 1942 году, в октябре месяце, и была тут же назначена в Яковцевскую школу учительницей начальных классов. Это была та же Надина школа, и принимал ее все тот же директор Иван Вениаминович Оносовский. Увы, и он, как миллионы, десятки миллионов его соотечественников, пал смертью храбрых на полях сражений Отечественной войны.

Годы учебы Надежды в педагогическом училище дались очень нелегко. Шла война, время голодное и не только. Нечего было одеть и обуть. А дом родной в Козлове находился в 25 километрах от Ростова. Каждую субботу, в любую погоду, Надя стремилась попасть домой, чтобы отогреться и поесть досыта. Редко, когда оказывался попутный возчик с лошадью, об автомашинах и гово-

рить не приходится. И шла она дорогой длинною к себе домой, чтобы через сутки этот же путь проделать в обратную сторону. Шла с котомкой за плечами, в которой бережно руками матери были положены картошечка с буханкой собственноручно испеченного хлебушка, молоко и десяток яиц. Мама Нади, Елизавета Гавриловна была очень хорошей швеей и с любовью перешивала, а изредка и из чего-то нового шила своей единственной девочке обнову в виде юбки или блузочки. Выручал и дед Николай, который умел и валенки подшить и к ботинкам новую подметку подбить. Сама же Елизавета Гавриловна после гибели мужа редко улыбалась, все больше молчала, только нет-нет да погладит кого-то из своих сыновей, так напоминающих ей Николая, единственного и незабываемого.

В начале 1944 года в Яковцево прибывает на временное место жительства тридцатилетний капитан Советской армии, Александр Сергеевич, демобилизованный по причине ранения. Сам он родился в Ленинграде, но город все еще в блокаде, а здесь в Яковцево жили его дядя и тетя. И сюда он был направлен военруком и именно в ту школу, в которой преподавала Надежда. Бравый капитан, коренной ленинградец, настроенный при первой возможности вернуться в свой город, в свое геологическое управление, в котором до войны он работал прорабом по бурению. Это было как послание с неба. Бравый капитан не обременен семьей, ему ничего не стоит влюбить в себя неокрепшую еще душу юной Надежды. И хотя мама и бабушка были очень резко настроены против, но куда там. В местном сельсовете состоялось бракосочетание, и Надежда Николаевна Беберина превратилась в Горюнову, жену Александра Сергеевича. После снятия блокады она отбывает вместе с мужем в город своей мечты – Ленинград. В 1945 году у них родился сын – Сергей Александрович.

Итак, казалось бы мечты сбылись. Она живет в своем любимом городе (пока еще в чужой квартире), замужем за ленинградцем, за человеком с очень нужной и хорошо оплачиваемой профессией, мать прелестного мальчугана. Но «недолго музыка играла». Молодая мама и не менее юная жена почти все время одна. Муж не балует ее частыми приездами, – он в экспедиции, на буровой. Слухи

в воздухе летают, им не веришь, но душа тревожится. Надя решает продолжить свое образование. Когда мальчику Сергею исполняется полтора года, она отвозит его маме в деревню, а сама поступает в Педагогический институт имени Герцена, на географический факультет.

В 1948 году муж Нади получает комнату в ведомственном доме в Володарском под Ленинградом. Наконец у Нади своя жилплощадь, она перевозит сюда маму и брата Василия. Проходит еще полтора года, педагогический институт благополучно окончен, молодая учительница получает направление в Ленинградское дошкольное педагогическое училище в качестве учителя географии. И было это 20 августа 1950 года, но уже в феврале месяце 1951 года Надежда из училища отчисляется в связи с переездом ее со всей семьей в Петрозаводск. Причиной тому послужил перевод в только что созданное Северо-западное геологическое управление Александра Горюнова, мужа Надежды. Будучи пока еще женой А.С.Горюнова, Надежда последовала за ним, а вместе с ней мама и брат Василий, ученик шестого класса. Маленькому Сереже было уже шесть лет. В этот же год Надежда была принята в качестве прораба-геолога в СЗГУ и почти сразу же, благодаря своему географическому образованию, командировается в Ленинград во ВСЕГЕИ, в палинологическую лабораторию, где под руководством Ирины Митрофановны Покровской, профессора ЛГУ, обучается азам пылецевого анализа, столь необходимого для определения возраста четвертичных отложений.

Несколько ранее, в отношении замужества Н.Горюновой, было упомянуто роковое слово «пока». Настало время пояснить, что имелось в виду при его написании. Итак, уже через год с небольшим после рождения маленького Сережи появились первые трещины в брачных взаимоотношениях Надежды и ее мужа Александра. Уже отмечалось, он редко стал появляться дома. Видимо жизнь в семье его мало прельщала, тем более в нелегких бытовых условиях жизни в чужой квартире, да еще при карточной системе распределения продуктов послевоенного времени. Надо ему отдать должное,- деньги он высылал исправно, но и только. Все заботы легли на плечи одной Нади в то время, как сам А.Горюнов

предпочитал жизнь проводить в круглогодичных экспедициях, на буровых вышках, где работалось трудно, но зато достаточно вольготно и запретами чисто морального характера его ограничивать никто не мог. Кроме того, Надя случайно выяснила, что она вовсе не первая жена Александра. Он был женат еще до войны. Но при этом с первой женой даже не развелся, объясняя это тем, что не знал ее постоянного места жительства. Дальше – больше. До Нади стали доходить слухи о его сторонних связях. Меньше всего она хотела, чтобы эти слухи доходили до Елизаветы Гавриловны. Но после переезда в Володарку, где в ведомственном доме от геологического управления проживало много геологов, все тайное становилось тут же достоянием гласности, в том числе и для Елизаветы Гавриловны. Неизвестно, сколько бы еще терпела Надежда, но ее мать терпеть подобную семейную жизнь дочери не собиралась. Сразу же после переезда в Петрозаводск, услышав об очередном романе А.С.Горюнова, очень просто, при первом же появлении его, выставила за дверь самого и вдогонку его вещи. Так бесславно кончилось Надино замужество, а со временем выяснилось, что оно стало еще более «бесславным». Стало известно, что Горюнов, не разведясь с ней, снова женился на молоденькой медсестре, которая родила от него еще одного Горюнова, но уже Александра Александровича. «Гарем» незаконных жен и зное количество «незаконно-рожденных» детей.

Начиная с 1951 года, став специалистом в области пыльцевого анализа, жизнь Надежды Горюновой приобрела другое смысловое звучание. Она стала редким специалистом в очень нужной области, не столь геологической, сколько палеогеографической. Сам по себе палинологический анализ по своей специфике очень сложный и трудоемкий. В стане тогда и в последующие годы специалистов в этой области познаний не хватало. В том далеком от нас 1951 году лабораторий, в которых производился палинологический, в равной степени, как и диатомовый, анализ, можно было по пальцам перечесть. И одна из таких лабораторий была при секторе геологии Карельского филиала АН СССР, и расположена была в местечке Сайнаволок, что в семи километрах от Петрозаводска. В ней Г.С.Бискэ производился пыльцевой анализ четвертичных осадков

Карелии, а изучение в них ископаемых диатомовых производил молодой специалист Гарри Лак. Так как в СЗГУ не было технической базы для производства технической обработки образцов для пылецевого анализа, управление обратилось в Президиум филиала с просьбой оказать содействие и разрешить ее сотруднику пользоваться оборудованием лаборатории в Сайнаволоке. Было составлено соответствующее трудовое соглашение, согласно которому Н.Н.Горюновой был открыт доступ в микропалеоботаническую лабораторию, которая была полностью вотчиной упомянутого выше Г.Лака. Как позднее выяснилось, он даже в ней жил. Так начался новый этап в жизни Н.Н.Горюновой, неизвестный и трудно предсказуемый.

А между тем настала пора рассказать, кем же был этот «самозванный властелин» в палеоботанической лаборатории при секторе геологии. Оказывается, старший лаборант Г.Лак не имел не только высшего образования, но даже средняя школа им была не закончена и, тем не менее, к 1951 году он прошел полный курс обучения диатомовому анализу в Ленинградском университете под руководством известнейшего диатомолога страны, заведующего кафедрой низших растений Валентины Сергеевны Порецкой. Несмотря на полное отсутствие у него каких-либо формальных данных (хотя бы аттестат об окончании средней школы), она сочла возможным принять Г.Лака к себе на кафедру и обучить его важнейшему в геологической практике анализу ископаемых диатомовых водорослей в четвертичных отложениях. Видимо, причина столь доброго к нему отношения скрывалась в его нелегкой и далеко непростой судьбе. Он родился в Риге в 1925 году, в достаточно состоятельной интеллигентной семье. С младенчества его воспитанием занялась немецкая высокопрофессиональная гувернантка Эльза, имевшая на то специальное образование. Человек с большим опытом и добрым сердцем. Первый язык, на котором он стал говорить, и первая школа были немецкими. Затем по воле отца мальчик Гарри, сдав все необходимые вступительные экзамены на латышском языке, поступил в гимназию, где обучение велось только на латышском. Из иностранных языков преподавались: английский, немецкий, французский или латынь по выбору. Счастливое детство длилось

ровно пятнадцать лет и кончилось оно появлением на улицах Риги советских танков 17 июня 1940 года. А дальше... об этом пусть расскажет сам Гарри.

Ночью 14 июня 1941 года, в половине третьего, нас разбудили ударами в дверь. Вошли пять вооруженных лиц: трое в форме НКВД и двое в кожаных тужурках, перепоясанных ремнями с револьверами на боку. «Вы арестованы, высылаетесь из города Риги, на сборы вам даются ровно двадцать минут». Двадцать минут, которые перевернули наш мир. Маме стало плохо с сердцем. Врача вызывать запрещено. За каждым нашим движением следят десять настороженных глаз. Мы мечемся по квартире, не знаем, что брать с собой в первую очередь, пока один латыш из охранников не шепнул папе: «Теплые вещи берите, далеко поедете». Постепенно мама приходит в себя, просит отца снять с обеденного стола большую скатерть, расстелить ее на полу и складывать туда вещи, которые она спешно называет. А мне шепнула, чтобы я незаметно пробрался в спальню и из ее тумбочки взял все драгоценности, которые мне удастся разложить по карманам брюк.

За одну эту ночь десять тысяч наиболее известных семей было арестовано и депортировано в Сибирь. Тридцать пять дней и ночей в пути. Сорок человек в товарном вагоне, так называемом «телятнике». Все вместе – дети, старики, мужчины и женщины. Смесь горечи и безысходности.

Конечный пункт: Анцерь, Канский район, Красноярский край. Край лагерей и смерти. Там зимой арестовали отца, чтобы его больше никогда не увидеть. Оттуда летом 1942 года, как «врагов народа» нас по Енисею отправили в Туруханск, а из Туруханска еще далее, 800 километров по Нижней Тунгуске в Туру, столицу Эвенкийского национального округа.

Зимой мороз под 60°, жизнь в дырявом бараке, голодное существование на грани гибели. Спасти мог только призыв на фронт, но таких как мы в армию не призывали. Мы продолжали быть беспаспортными изгоями советского общества. Только благодаря знанию немецкого языка и, в особенности готического письменного, на котором писались все самые секретные приказы вермахта, осенью 1943 года я получил столь выстраданное мною призывное удосто-

верение в Омский 320 запасной полк. Но мой путь до фронта был труден и жесток.

Запасной полк размещался на берегу реки Иртыш во врытых в землю сооружениях, типа больших землянок-казарм. В каждой казарме по батальону, сто шестьдесят двухъярусных коек, соломенные матрацы, тонкие байковые одеяла и миллионы блох в придачу. Жесточайшая дисциплина: на койках не сидеть, к стене не прислоняться, стоя не дремать. За нарушение – наряд вне очереди. Бывалые солдаты, по первому и даже второму ранению, уже после госпиталя отбывали в запасном полку своеобразную повинность. Они на фронте насмотрелись смерти в глаза, но даже они стонали от изуверства сержантов и старшин в этом далеком и безопасном для жизни сибирском полку. Они не боялись ни черта, ни огня, но они люто ненавидели этих сержантов и старшин, окопавшихся в безопасности запасного полка, и отыгрывались они по полной на нас салагах, молоденьких, неопытных и испуганных. Меня спасло то, что через месяц я был переведен в разведроту командиром отделения. Все же восемь классов образования и знание немецкого языка здесь многое что значило. Но даже этого месяца хватило, чтобы испытать на себе всю жестокость армейского быта в глубоком и безопасном тылу. Так прошли три месяца обучения уметь переносить мыслимые и немыслимые тяготы. Настал час отправки на фронт, до которого мы добирались в до боли знакомых «телятниках». Западная часть Белоруссии. Ночь, сполохи и громовые раскаты артиллерийских залпов, гул ночных бомбардировщиков и «фонари» в небе, превращающие темноту в, как бы, лунной освещенное небесное пространство. Кто-то стал вызывать нас пофамильно и строить в небольшие подразделения. Раздается команда: «Быстрым шагом, марш!» и тридцать километров по разбитой фронтовой дороге. Так я, в составе еще шести солдат, оказался в расположении штаба артиллерийского полка Второго Белорусского фронта. Здесь меня ожидало испытание, к которому я оказался совсем не готов. Одуревшего от усталости меня подвели к фургону машины. Стоит часовой, огонь в маленькой печурке, встроеной в это крытое сооружение. Больше в крошечной тьме я ничего не мог разглядеть.

Вдруг открылась дверь фургона и меня позвали внутрь. Я увидел совершенно седого полковника с орденом Боевого Красного знамени старого образца, еще со времен гражданской войны. В фургоне светло и уютно, походная кровать, что-то в виде письменного стола, два ковра закрывают и украшают стены. Полковник, сверяясь с листом бумаги, лежащим перед ним, устраивает буквально допрос с пристрастием: – Откуда? – Из Риги. – Откуда мобилизован? – Из Красноярска. – Как туда попал? – Должен признаться, последние месяцы на различных медицинских и мандатных комиссиях я сопровождал свою биографию сплошной ложью. Мною овладел страх, лишь бы сейчас не сбиться. Не успел я ответить, как последовал новый вопрос: – Латыш? – Нет, еврей. – Русский язык откуда знаешь? – Научился в эвакуации. – Паспорт имел? – Да. – А какого цвета он был? – Мне стало очень страшно и холодно. У нас паспортов не было и как он выглядел я не знал. Вспомнил, что когда-то видел на почте у кого-то в руках серо-зеленую обложку. – Серо-зеленого цвета, – был мой запоздалый ответ. Для данного блиц-опроса я слишком долго думал, полковник не поверил. – Ну, хорошо, – продолжил он, – откуда немецкий язык знаешь? – Я окончательно понял, что полковник знал обо мне если не все, то почти все. – Окончил в Риге неполную среднюю школу на немецком языке, – ответил я. – Хорошо, пойдешь в разведку. – Все он великолепно понял, седой полковник Меерсон. Кто-то его очень здорово прикрывал в том злосчастном 1937 году, когда две третьих полковых командиров Красной армии просто-напросто расстреляли. Кроме того, мое появление, возможно, кого-то напоминало, скорее очень близкого ему человека. Уже позже, несколько раз возникал вопрос о моем переводе в другие штабы, но мой командир каждый раз меня отстаивал и не отпускал от себя до самого конца войны, пользуясь своим огромным авторитетом. Он прекрасно понимал, что при любом переводе последуют новые расспросы-допросы со стороны особого отдела, неотвратимые и опасные. Когда уже окончилась война, когда прошел слух, что в октябре начнется первая волна демобилизации солдат, имеющих тяжелое ранение, студентов и воинов от сорока и более лет, он меня спросил: «А кто у тебя дома остался?» – «Мать и сестра.» –

ответил я. «А отец жив ли и где он?» – Больше лгать я ему не мог и сказал так, как было – «Погиб в лагере.» – «Я так и думал. Ты мне нужен, согласно положению о демобилизации я могу тебя как специалиста оставить на неопределенное время, но... ты матери нужнее. Езжай с Богом». Каждый год в День Победы, да и не только, я вспоминаю седого полковника добрым словом и храню память о нем.

Совершив восемнадцать пересадок, я пробирался из Восточной Пруссии через Польшу, Белоруссию до самого Урала, до Свердловска и далее в Бисертский Завод, где проживали мама и сестра. Я сразу же обратился в соответствующие органы с просьбой отпустить маму и сестру со мной в Ригу. Мне отказали в моей просьбе буквально следующими словами: «Вы, молодой человек, кровью искупили свою вину и можете ехать куда угодно, вы свободны, но мать и сестра останутся пока здесь». Это «пока» растянулось еще на долгих четыре года.

Поздней слякотной осенью 1945 года я оказался в Риге, темной, послевоенной и неприветливой. Военкомат помог мне поступить на курсы шоферов, по окончании которых я еще три месяца проходил стажировку в военизированном автобате под руководством шофера, «бога» военных фронтовых дорог. Получив права на вождение всех видов автомобильного транспорта, стоящей работы не нашел, - очень мало автомашин было в послевоенной Риге. Тогда, по просьбе мамы, я поехал в Ленинград, чтобы познакомиться и пожить у неизвестных и незнакомых мне маминых брата и сестры. После первых объятий, вздохов и поцелуев, пожив некоторое время у маминой сестры, я убедился, что в их жизни я явление лишнее. Они были достаточно хорошо материально обустроены, но... в тесной комнате многонаселенной коммунальной квартиры для меня просто физически не находилось места. Кроме того, мне двадцать один год, позади ссылка сибирская, запасной полк и фронт, – школа, сформировавшая характер самостоятельный и независимый ни от кого. Он вступал в противоречие с предлагаемым мне образом жизни. Я оказался в тупике: жить негде, прописки постоянной нет, работы тоже. Родственники требуют подчинения и пристойного поведения, а я тоскую по свободе. И Всевышний меня

услышал. Летом 1947 года я оказался в качестве рабочего в геологической партии на Кольском полуострове, которой руководила Галина Сергеевна Бискэ, – молодая, лет тридцати женщина, властно-демократичная, но не терпящая возражений.

По окончании полевого сезона мои старания и исполнительность были начальством должным образом отмечены и Г.С.Бискэ предложила мне продолжить работу с ней, но в Петрозаводске, в секторе геологии Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, с предоставлением жилплощади в местечке Сайнаволоке на самом берегу Онежского озера. Это было судьбоносным предложением. У меня не было «ни кола, ни двора» в буквальном смысле этого слова. На предложение продолжить работу под ее началом оказали влияние, видимо, моя исполнительность и знание немецкого языка. Летом, в дни ненастья, я помог ей перевести с немецкого нужную работу по геологии Финляндии. Столь неожиданное для меня предложение было мною принято незамедлительно. Это было тем естественно возможным и благоприятным выходом для меня.

1 ноября 1947 года поездом Ленинград-Мурманск я прибыл в Петрозаводск на станцию «Голиковка». Далее мой путь пролегал по улице Гористой до ее пересечения с ул. Урицкого, где под номером 92 находилась искомая мною Карело-Финская база АН СССР. В небольшом вестибюле восседала одинокая гардеробщица, которая поведала, что сектор геологии находится на втором этаже. Робко постучав в дверь, я переступил через порог просторной светлой комнаты в два больших окна. За одним из столов сидела молодая женщина, как позже выяснилось, аспирантка Клава Инина. Узнав, кто я, вручила конверт от Г.С.Бискэ, в котором находилось подробное описание всех моих действий по оформлению на работу.

Итак, прежде всего я должен был объявиться в секретариате и заявить о своем прибытии, далее в отдел кадров, где мне предстояло написать заявление о приеме на работу в должности «младшего коллектора», заполнить анкету, а затем уже получить направление для обустройства в Сайнаволоке. Далее, как было велено, мне надлежало освоить рабочее место и приступить к копированию геологических материалов, лежащих в большом количестве в отдельной папке.

В отделе кадров меня ожидала неприятность ожидаемого свойства. Мне предстояло заполнить анкету, главный смысл которой сводился к вопросу «а кем были ваши родители до семнадцатого года?». Это сегодня можно с иронией об этом вспоминать, но тогда мне было не до шуток. Не менее сложно было ответить на вопрос о месте жительства во время войны, а в придачу еще о социальном положении родителей. Так я снова оказался в плену мною же придуманной лжи, которая сопровождала меня еще многие годы. Солгав единожды, я уже остановиться не мог. Мать превратилась в домохозяйку, а отец стал обыкновенным модельером женской обуви, кем он в действительности был в далекой своей юности.

В тот же день, ближе к вечеру я узнал, что был зачислен в штат с окладом в 410 рублей, что тогда составляло одну треть оклада младшего научного сотрудника. Тогда на эти деньги было не прожить (да и сегодня тоже), но меня это не волновало. У меня была постоянная работа, а на берегу Онежского озера меня ожидало постоянное место жительства. Начался новый отсчет времени.

Оставленный в папке Галиной Сергеевной картографический материал нужно было скопировать на кальку. После месяца каторжно-адского неумелого вычерчивания геологических карт и схем мне вручили командировочное удостоверение с предписанием следовать в Ленинград, где во ВСЕГЕИ мне надлежало пройти курс обучения технической обработки четвертичных отложений на пыльцевой анализ, являющийся тогда основным для определения их возраста. Галина Сергеевна, будучи еще студенткой V курса ЛГУ, овладела этим нужным, но одновременно очень трудоемким палеогеографическим методом.

Зима пролетела как один миг и в апреле 1948 года, став «крупным» специалистом в звании лаборанта с окладом в 740 рублей, я вернулся в Петрозаводск с заданием начать подготовку к новому полевому сезону и одновременно приступить к выписке со склада всего необходимого оборудования и химических реактивов для будущей микропалеоботанической лаборатории.

1948 год. В окрестностях Костомукши открыто крупнейшее месторождение железистых руд. В обозримом будущем предполагалось провести к нему железную дорогу, а также комплексное природно-экономическое изучение всей Западной Карелии, которое возглавил А.В.Иванов, экономист по специальности и профессиональный организатор по своим человеческим качествам. К данным исследованиям привлекли Г.С.Бискэ, недавно защитившую кандидатскую диссертацию, поставив перед ней четкую задачу: дать подробную характеристику песчано-гравийным отложениям и слагаемым ими современные формы рельефа, а также геоморфологическое описание коренного рельефа Западной Карелии. Срок исполнения три года.

В распоряжении Г.С.Бискэ было всего два человека: студентка IV курса географического факультета ЛГУ Ирина Сафонова и я. С такими силами поставленную задачу не то что решать, с места сдвинуть было невозможно. Галина Сергеевна решается на чрезвычайно смелый шаг – впервые применить в Карелии аэровизуальную съемку с самолета. Нарботанных методик подобных исследований не имелось. Все надо было начинать с нуля. Вся тяжесть работы легла на ее плечи. Остается только добавить, что с первого полета и с первого дня полета по аэровизуальной съемке Галина Сергеевна брала меня с собой, обучала, объясняла, учила, как надо работать.

Жизнь стала предъявлять все новые и новые требования. Обновиться было невозможно, а чтобы двигаться вперед, нужны были новые знания и, в первую очередь, в области четвертичной геологии, геоморфологии и палеогеографии. Кроме того, оказавшись в новом для меня интеллектуальном мире, я с ужасом осознал, что являюсь полнейшим ничтожеством в области познаний русской истории и литературы, в прочем и зарубежной тоже. Восемь лет ссылки, войны и поисков места в жизни оказались вычеркнутыми. Мысли были заняты только одним, – как выжить. Нужно было наверстать упущенное, и в этом очень помогла филиальная библиотека. Только времени для сна становилось все меньше и меньше, мною овладел неукротимый азарт познания неведомого мне ранее мира.

Полевые работы 1949 года мы провели в Северной Карелии, базировались в Ухте (ныне Калевала) совместно с геологическим отрядом К.А.Шуркина, в котором работали студенты третьего курса геологического факультета Петрозаводского университета Володя Чернов и Гена Николаевский, ставшие впоследствии известными геологами. Для меня лично сезон сорок девятого года стал переломным: мне было доверено провести все аэровизуальные и наземные маршруты самостоятельно. Осенью меня перевели на должность старшего лаборанта с окладом 880 рублей в месяц.

Вникая все глубже в проблемы четвертичной геологии, я понял, какую большую роль при изучении генезиса отложений играет анализ ископаемой диатомовой флоры. Я знал, что анализ очень трудоемкий, требует от аналитика больших знаний и не менее большого терпения. В Советском Союзе в то время насчитывалось от силы десятков профессионалов. И вдруг я узнаю от Галины Сергеевны, что ей удалось, верно с большим трудом, уговорить В.С.Порецкую, крупнейшего специалиста в области изучения диатомовой флоры, принять меня. Скорее всего, ей, как профессору ЛГУ, было неудобно отказать бывшей студентке, молодому кандидату наук и уже известному специалисту в ученых кругах. Напутствуя меня на эту встречу, Галина Сергеевна просила ее не подвести, проявить всю свою воспитанность и умение общаться с людьми. Я понимал, что эта встреча должна стать своеобразным испытанием на профпригодность..., только выдержу ли я его?

В самом конце университетского комплекса размещалось нужное мне здание из красного кирпича, и, войдя внутрь, я увидел железную винтовую лестницу, поднялся на второй этаж и попал в «женскую обитель», – кругом одни студентки, сидящие за микроскопами, сосредоточенные до невозможности. На робкий вопрос, где можно увидеть Валентину Сергеевну, мне вежливо предложили снять верхнюю одежду и показали куда пройти. В небольшом закутке, за письменным столом сидела совершенно сидя удивительной красоты женщина, в старомодном пенсне, изящном синем костюме и белой шелковой блузке типа «жабо». Она с мягкой улыбкой на лице поздоровалась, предложила сесть и после каких-то незначительных вопросов попросила рассказать о себе. Я каким-

то шестым, седьмым, даже десятым чувством понял, что этой женщине лгать нельзя и рассказал ей всю правду о родителях и о себе.

Она долго молчала, затем спросила, какой иностранный язык я изучал в школе. Когда Валентина Сергеевна узнала, что я закончил начальную немецкую школу, а затем еще в досоветской гимназии изучал латынь, она, как бы отвечая своим мыслям, сказала: «Ну, что Гарри, вы позволите вас так называть, давайте попробуем, но предупреждаю, будет трудно, даже очень. Нужно будет освоить определенный курс теоретических знаний. Кроме того, нужно обладать огромным терпением, добросовестностью, ибо работу диатомолога что проверить трудно, – это почти невозможно. И еще, нельзя отступать при первых возможных неудачах».

В порыве благодарности я без слов поцеловал ей руку. Валентина Сергеевна быстро набросала в тезисном порядке программу на три года обучения, по три месяца в зимнее время между сессиями. Кроме того, она написала названия с десятков учебников, которые необходимо было изучать. Начальный срок обучения был назначен на конец января 1950 года. Следует сразу оговорить, что основная литература по диатомовому анализу в то время была на немецком языке. Лишь в 1953 году вышел в свет полностью трехтомник «Диатомовый анализ» под редакцией В.С.Порецкой, за что была удостоена высшей награды – Сталинской премии первой степени.

Уже после первых трех месяцев обучения, приступив пока что к предварительному изучению отложений водного генезиса на содержание ископаемой диатомовой флоры, я весь ушел в это новое и очень интересное исследование. Я находился денно и ночно в лаборатории. Возникла даже мысль, а не перебраться ли в нее на «постоянное место жительства». Наш комендант эту мысль одобрил и подсказал, что начальству об этом можно доложить «постфактум» и то при необходимости. Он соорудил для меня деревянную складную раскладушку, которая удобно в вертикальном положении убиралась на день за лабораторный шкаф. Меня только несколько беспокоили предстоящие приезды Н.Н.Горюновой, которая согласно договора о содружестве с СЗГУ, должна была проводить обработку образцов на пыльцевой анализ в нашей лаборатории. Я боялся, что подобно многим женщинам она, в силу природ-

ного любопытства, будет интересоваться всем и вся. Слава Богу, Н.Горюнова оказалась на редкость молчаливой и какой-то стесненной неизвестными мне обстоятельствами. Первое время она наотрез отказывалась даже чаю попить. Только год спустя она стала оттаивать, соглашаясь иногда со мной перекусить моей любимой жареной картошечкой и выпить чаю с вареньем (любимая еда в то время).

За последующие два года я обработал большой материал из пород четвертичного возраста на диатомовый анализ, провел классификацию ископаемых диатомовых, установил их систематический ряд, генезис и те физико-географические условия, в которых они когда-то существовали. И не случайно во мне стала зреть идея, — используя только свои данные, написать статью для научного издания. Я отдавал себе отчет, что идея по своей сути авантюрна, но был уверен, что если дать описание ископаемых диатомовых такого большого и конкретного района, как Западная Карелия, она может привлечь внимание исследователей-коллег. Но для этого нужно, чтобы моя первая научная работа была и диатомологической и геологической. Она должна была быть по сути своей оригинальной, с новыми выводами и без компиляций. Иначе, считал я, меня спишут в разряд обычных аналитиков и не более. Так постепенно стала вырисовываться статья под названием: «Ископаемые диатомовые четвертичных отложений Западной Карелии». Для северо-запада России это была первая работа подобного рода. Статья получила лестный отзыв от В.С.Порецкой с рекомендацией опубликовать ее отдельным изданием. Ученый совет филиала поддержал мнение рецензента, и работа вышла в 1954 году в Ленинградском издательстве АН СССР.

В 1954 году произошло еще одно очень важное для меня событие. Мне без двух месяцев 29 лет, я холост, веду соответствующий образ жизни и всем доволен. Однажды зимним январским вечером мы сидим с Кауко Оттовичем за рюмкой «чая» в лаборатории и ведем неспешную беседу «про жизнь». Я испытывал к Каукко Оттовичу бесконечное уважение и безграничное доверие. И в этот вечер он вдруг на полном серьезе говорит: «Гарри, тебе жениться надо, иначе пропадешь». Что он имел в виду под определением «про-

падешь» я примерно догадывался. Но что касалось «жениться», — я был в полном недоумении и не задумываясь ляпнул: «Каукко, скажи на ком и я тут же женюсь». — «К тебе приезжает в лабораторию такая женщина!». — «Надя, что ли? Но ведь у нее есть сын!» — воскликнул я. — «Ну и что?» — сказал Каукко Оттович, — это была его любимая присказка. Не стану отрицать, мне Надя нравилась, но у нее была своя семья и своя жизнь, и, следовательно, срабатывало определенное «табу», предел дозволенности. Но ведь Каукко Оттович считал иначе... Как развивались события, пусть Надежда расскажет сама.

Когда стало известно, что предстоит подготовку образцов для пыльцевого анализа производить в Сайнаволоке, в лаборатории, в которой на «постоянной основе» живет и работает Гарри Лак, мои ближайшие подружки из управления пытались предупредить, что он по своей натуре ловелас, ни одной юбки не пропускает и, конечно же, будет за мной ухаживать. Одна только мысль о такой предстоящей возможности мне уже была неприятна. Я относительно недавно рассталась с Горюновым, дома неработающая мать и два школьника, забот полон рот и не до ухаживаний, особенно какого-то Лака. Мои первые приезды сопровождались настороженностью и отсюда неминуемой скованностью. Однако, все мои опасения оказались совершенно напрасными. Гарри Лак постоянно все последующие три зимы, в течение которых я спорадически приезжала в Сайнаволоку, оставался неизменно корректным, постоянно держал дистанцию, не лез с расспросами и сам не распространялся о своей жизни. Если в первую зиму я еще как-то форсировала и ускоряла обработку образцов, то в последующие, незаметно даже для самой себя, с удовольствием стала приезжать в Сайнаволоку, находя здесь некоторую отдушину от рутинной жизни, как в управлении, так и дома. Летом было все иначе. Я участвовала в работе полевых отрядов, и, хотя в экспедициях порою было очень трудно, — это была разрядка, да и деньги зарабатывались, которых постоянно не хватало.

Прошли три года. Примерно в феврале 1954 года поведение Гарри в отношении меня заметно изменилось. Еще, кажется, в прошлом году между нами состоялся очень откровенный разговор, в

котором он признался, что ему нравятся женщины, что ему доставляет удовольствие за ними ухаживать, но при условии их «незакрепощенности» семейными узами. Он считал себя не в праве нарушать чужие устои и быть причиной раздора в жизни чьей-либо семьи. Зная его принципиальность во всем, к чему он прикасался на работе и в обычных жизненных обстоятельствах, меня очень удивила и, не стану скрывать и лукавить, приятно поразила та разительная смена в его поведении относительно меня. Он откровенно, по-мужски красиво стал за мной ухаживать, не оставляя ни тени сомнения, – он добивался моих ответных чувств. И с удивлением я поняла, что мне это приятно. Я стала приезжать в Сайнаволок чуть ли не каждый день, порою и без надобности в производственном процессе. Это было какое-то завихрение, и... случилось то, что не могло не случиться. Моя жизнь приобрела совершенно другую окраску. Я стала ездить к нему на выходные дни, познакомилась близко с Галиной Сергеевной и Кауко Оттовичем, с его друзьями. Меня не останавливало мамино суровое лицо, настороженность брата, обиды сына. Я не задумываясь отдавалась своему чувству, овладевшему мною целиком.

Настало лето, я уезжала в экспедицию в окрестности Гимольского озера. Гарри должен был проводить аэровизуальные наблюдения на Заонежском полуострове, недалеко от Толвуи, со своим другом пилотом гидросамолета М.В.Косюком. В один прекрасный августовский день он буквально свалился к нам с неба. Скрыв от своего непосредственного начальства, Галины Сергеевны, свои намерения, он сумел уговорить пилота Мишу Косюка и прилетел к нам. В рюкзаке у него были две бутылки «Столичной», колбаса, помидоры, огурцы и еще какая-то вкусная снедь. Начальником партии в тот год был старый приятель Гарри – Гена Николаевский. Гарри сумел нам всем устроить праздник, а я вообще не понимала на каком свете живу. Но таким я его любила. Я стала понимать, что нужна ему, ибо только в таком случае было возможным совершить столь безрассудный поступок.

В конце октября, когда мы возвращались из экспедиции, случайно встретившись у бензоколонки с коллегами, я узнала, что у меня дома поселился какой-то геолог в очках из филиала, с чем

меня и поздравили. Прибыв домой, я увидела в комнате не принадлежащие нам ранее знакомые по Сайнаволоку оттоманку, радиоприемник «Рига-6» и тома Большой Советской Энциклопедии на этажерке. Я не верила своим глазам, не понимала, что все это означает и как это вообще могло случиться. В это время раздается звонок в дверь, заходит Гарри и так спокойно говорит: «Раздевайся, Наденька! Будь как дома». Каким-то образом он сумел убедить маму, повести за собой брата и сына Сережу, поехать с ним в Сайнаволоку и привезти его вещи к нам. Я не знаю ни одного человека, который мог бы на такое решиться, который мог бы так убедительно доказать, что именно здесь он нужнее всего. С тех пор прошло пятьдесят пять лет как мы вместе...

1955-й год был для нас с Надей одним из самых решающих. Надежду перевели к нам из СЗГУ в сектор геологии младшим научным сотрудником. Тому в большой степени способствовала Галина Сергеевна, которой очень был нужен хорошо обученный и с практическим опытом специалист, владеющий пылевым анализом. Кроме того, 1955-й год явился началом особого пятнадцатилетнего творческого взлета Г.С.Бискэ, в равной степени и ее сотрудников.

Зимой 1956 года выходит из печати статья «Позднеледниковые отложения Карело-Финской ССР» (авторы Г.С.Бискэ и Г.Ц.Лак). Той же зимой П.А.Борисов вынес на Президиум филиала представление о переводе Г.Лака на должность младшего научного сотрудника. Однако, Президиум не захотел или не посмел взять на себя такую ответственность. Подобное решение было достаточно обоснованным, поскольку у претендента не было даже законченного среднего образования. Однако, Петр Алексеевич нашел себе единомышленника в лице заместителя председателя по науке Александра Васильевича Иванова (ранее уже упомянутого), и в ноябре того же года они выступили со своим ходатайством уже в Москве, в Президиуме Академии наук. Вопреки моим собственным ожиданиям, решение Президиума было единогласно-положительным. Я был переведен на должность младшего научного сотрудника с присвоением звания, что само по себе было невероятным. Кроме того, чтобы исключить любые возможные ссылки на

отсутствие штатной единицы Москва перевела персонально мне должностной оклад в 1200 рублей.

В 1959 году завершается десятилетняя работа по изучению четвертичных отложений и геоморфологии Карелии. Под аналогичным названием издается монография Г.С.Бискэ с двумя соответствующими картами, в составителях которых значатся Н.Н.Горюнова и Г.Ц.Лак. Кроме того, 1959 год богат научными публикациями под авторством Г.С.Бискэ, Н.Н.Горюновой, Г.Ц.Лака, посвященными вопросам генезиса и стратиграфии межледниковых и голоценовых отложений, а также авторские работы Г.Ц.Лака по вопросам экологических особенностей ископаемой диатомовой флоры Карелии.

В этом же 1959 году В.С.Слодкевич, председатель Президиума Карельского филиала, геолог и палеонтолог по образованию, предлагает Н.Н.Горюновой место в аспирантуре и свое руководство. Это само по себе уже гарантировало успех, но Надежда отказывается, мотивируя это тем, что у нее и так уже два человека учатся: муж в девятом классе, а сын – в шестом. Здесь следует дать некоторые пояснения.

В связи со структурными изменениями в Карельском филиале АН СССР в 1957 году, все научные сотрудники должны были пройти переаттестацию. Мы с Надей прошли ее в доброжелательной обстановке и безболезненно, но...аттестационная комиссия обратилась к нам с просьбой продумать возможность моего дальнейшего образования, так как комиссия просто не знает как со мной в будущем быть и просила более не ставить ее в столь сложное положение. Такое обещание нами было дано, и весной 1958 года я сдал экзамены за неполную среднюю школу, а осенью вступительные в восьмой класс Республиканской средней заочной школы. Это было очень нелегко. Ведь в детстве я учился сначала в немецкой школе, а затем в классической гимназии на латышском языке, в которой для русского языка места не было. Надя была все время рядом; она помогала, поддерживала и не давала пасть духом. Я с огромным чувством благодарности вспоминаю двух учительниц: Людмилу Фрейндлинг (жену В.Фрейндлинга, сотрудника сектора гидрологии) и Нину Робонен (жену сотрудника сектора геологии

В.Робонена). Они были очень снисходительны и помогали с русским языком, математикой и физикой. Чтобы закрыть тему моей заочной учебы в течение последующих одиннадцати лет, сообщу сразу: школу я окончил за два года, Московский университет по специальности «геоморфология» за четыре года и аспирантуру за положенные пять лет. Естественно, все заочно.

После окончания такой монументальной и интереснейшей темы, как «Четвертичные отложения и геоморфология Карелии», в 1960 году ученым советом института нам была предложена, а скорее навязана новая тема со сложным названием: «Геолого-геохимические особенности четвертичных отложений». Район работ – Онего-Сегозерский водораздел. Ученый совет усмотрел в нашей деятельности малую отдачу народному хозяйству Карелии, заодно упрекнув, что мы занимаемся слишком много чистой наукой. Это совпало со временем, когда институт перешел в ведение министерства геологии СССР. Для ее разработки потребовалась и новая методика исследований. Ответственный исполнитель темы Г.С.Бискэ предложила в качестве поискового признака применить геохимический анализ растительности. Было такое ощущение, что мы сами себя избрали на роль «подопытных кроликов». Задача заранее неблагодарная.

Для осуществления задуманного потребовались дополнительные силы. Были привлечены геологи Н.Ф.Демидов, О.А.Рийконен и только что окончивший наш университет А.Д.Лукашов, образовавшие отдельную группу так называемых геологов-коренников. Потребовались и чисто технические исполнители из вспомогательных подразделений. В разные годы с нами работали В.Ахвонен, В.Чачхиани, Г.Свирская (Лебедева), Г.Костенюк (Озерова), В.Королева, Г.Ильина, Л.Коппалина, А.Пунка, Г.Епишина. Исследования проводились на определенных участках с различным составом кристаллических пород, перекрытых маломощным слоем ледниковых отложений (мореной), из которых брались пробы лесной растительности, самой морены и кристаллических пород по определенной сетке. Работа до одури однообразная и утомительная. Сопровождались они обычными геоморфологическими исследованиями, которые служили нам «глотком свежего воздуха» после

беспрерывной череды дней, проведенных в глухом комарином лесу, копая закопушки и обрывая вокруг всю листву брусники, березы и хвои сосны. И так три полных полевых сезона подряд.

В 1964 году тема была закончена и защищена на ученом совете, даже с хорошей оценкой, свидетельство тому, что кое-чего мы все же добились. Надо отдать должное Галине Сергеевне, это ее заслуга. Ее организаторские способности, четкие представления о том, где и как нужно проводить полевые работы, послужили гарантией успешного проведения исследований.

В том же 1964 году Г.С.Бискэ удалось отстоять на ученом совете института проект по изучению геологической истории котловины Онежского озера. Это была наша давняя мечта. Забегая вперед, скажу лишь, что мы работали с радостью, это был настоящий «кайф». О.А.Рийконен и Н.Демидов от нас «отпочковались», остался молодой Анатолий Лукашов, только-только начинающий делать свои первые шаги в познании особенностей геоморфологического строения современного рельефа и генезиса четвертичных отложений. Кроме того, к нам присоединился сокурсник А.Лукашова В.Ильин, также выпускник Петрозаводского университета, успевший несколько лет проработать в Якутии. Уже первый год исследований в Заонежье принес нам много неожиданного.

Еще несколько лет тому назад Кауко Оттович Кратц, когда делился с нами своими представлениями о развитии современного строения рельефа Карелии, упоминал о возможном существовании молодых, так называемых неотектонических движений земной коры, только неоспоримых свидетельств не обнаружено, пока. И мы их нашли. Нашли именно на Заонежском полуострове, на восточном берегу губы Святухи. Они предстали перед нами в виде зон дробления без каких-либо следов ледниковой экзарации, со следами свежих сколов с зеркалами и бороздами скольжения и огромных глыб, оторванных от основания с ребрами, острыми как «бритва». Свидетельства очень молодых «содроганий земли», приведших к столь разрушительным действиям в поздне- и послеледниковое время, стали встречаться неоднократно в разных местах Заонежского полуострова. Они своей новизной и неординарностью требовали признания в соответствующих геологических кру-

гах. И весной 1965 года, будучи дипломантом МГУ, я решился на просьбу быть принятым Н.И.Николаевым, заведующим лабораторией неотектоники Московского университета. Я знал, что Николай Иванович Николаев является председателем международной комиссии по неотектонике, и мне было не так просто предстать перед этой всемирно известной личностью. Он оказался импозантным, сединой убеленным, на вид доброжелательным и внимательным. Мой рассказ о заонежских молодых нарушениях он выслушал молча, долго рассматривал привезенные мною фотографии с раздробленными обломками у подножья скалистых гряд и...наотрез отказался согласиться со мной о их неотектоническом происхождении. Я был настолько огорчен его непониманием очевидного факта, что с отчаянностью утопающего изрек: «Если вы не верите, так приезжайте к нам в Заонежье и сами все увидите». Наступило долгое молчание. Николай Иванович бывал на Кольском п-ве, но Карелию видел только проездом из окна вагона, и он согласился приехать. Осталось только обговорить дату и время. И еще я посчитал нужным его предупредить, что жить придется в палатке. Возражений с его стороны не последовало.

Во время приезда Н.И.Николаева к нам в Заонежье мы постарались ему показать все, что находилось в пределах досягаемости с моторной лодки и автомашины. Все, что нам удалось ему показать, было для него настолько неожиданным и доказательным, что он даже предложил специальный термин для наших неотектонических нарушений – «сейсмодислокации». Отныне неотектоника на юго-восточной окраине Балтийского щита имела место быть. Гипотеза Кауко Оттовича подтвердилась, высказанная им когда-то шутливая фраза: «Лак, ищи!» – оправдалась.

В 1967 году в Москве должен был состояться Пленум международной комиссии по неотектонике, председателем которой был Н.И.Николаев. К тому времени состоялись несколько наших совместных с А.Лукашовым докладов по неотектонике Карелии, в том числе и на всесоюзном уровне. При очередной встрече с Н.И.Николаевым я спросил его, не могли бы мы выступить с докладом о сейсмодислокациях Заонежья на Пленуме, мотивируя свою просьбу новизной полученных нами данных. Учитывая меж-

дународное значение Пленума и выступлений на нем известнейших ученых-тектонистов мира, моя просьба была некорректной. Николай Иванович отказал в весьма вежливой форме, мотивируя отказ сверстанностью работы Пленума. Его можно понять. Наши с Лукашовым фамилии в международном масштабе ничего не значили. Но некоторое время спустя Николай Иванович изменил свое мнение и согласился нас допустить с докладом, но при условии, если я готов послужить Пленуму в качестве переводчика, в первую очередь, - двум директорам институтов геологии: ФРГ (город Кельн) – профессору Шварцбаху и профессору Фите – ГДР (город Берлин). Так неостепененные «салаги», без роду и племени, Лак и Лукашов стали участниками такого представительного форума. Наш доклад, над которым изрядно поработал К.О.Кратц, назывался: «Голоценовые тектонические деформации и их сопряженность с палеотектоникой Балтийского щита». Кауко Оттович присутствовал лично, согласился переводить доклад на английский язык, я переводил на немецкий, а Лукашов зачитывал его на русском. Два года спустя сборник докладов, в том числе и наш, был издан в Париже.

В 1970 году по предложению академика К.К.Орвику я защитил свою кандидатскую диссертацию в институте геологии Эстонской Академии наук в городе Таллине. Закончился период моей заочной учебы, а также и работы, приносящей радость и удовлетворение. Далее последовали годы, которые мы с Надеждой называли: «ЧЕТВЕРТИЧНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИЗМЕНЯЕТ СВОЕЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ». Что касается нас с Надей, то к нам очень подходит изречение Льва Толстого: «Терпеть надо до тех пор, пока само терпение станет нетерпимым». С Надеждой это случилось через девять лет – в 1979 году она в пятьдесят пять лет вышла на пенсию, со мной позже. Я покинул лабораторию в 1987, проработав в ней ровно сорок лет. Мне было шестьдесят два, и ушел я не по своей воле.

Началось все в 1970 году, когда мы приступили к изучению истории геологического развития Ладожского озера. В наш устоявшийся коллектив влился новый сотрудник, опытный геолог-четвертичник Северо-западного геологического управления, защитив-

ший недавно кандидатскую диссертацию, Илпо Миккович Экман. Став геологом в недрах управления с иной методологией, чем в академическом учреждении, получив при этом «карт бланш» от Г.С.Бискэ, он стал вводить в привычный нам стиль работ излишнюю документалистику. У него не было влечения к «свободному полету мысли», иными словами, к допустимому в науке стремлению пофантазировать. Кроме того, не будучи ограниченным строгими рамками управленческой отчетности, он во время работы по изучению истории геологического развития Ладожского озера стал объединять в одно целое трудно сопоставимые методы и результаты исследований. Например: развитие рельефа и его морфоструктуры с особенностями вещественного состава четвертичных отложений; коры выветривания с поиском полезных ископаемых в виде изучения формирования ледниковых вееров рассеивания рудных валунов, что изначально не входило в нашу задачу и никак не увязывалось с первоначальной концепцией изучения геологической истории развития котловины Ладожского озера. Такая, как нам с Надеждой казалось, «несовместимая совместимость» не находила отклика в наших душах палеогеографов. К таким «перестройкам» мы не были готовы, что принуждает сознаться, в данном случае, в определенной нашей несостоятельности. Кроме того, существовали серьезные разногласия между мной лично и Илпо Микковичем об историческом месте морского соединения между Белым морем и Балтикой. Основным доказательством такого соединения служили морские глины на северо-восточном побережье Ладожского озера. Прошло немало времени прежде чем Экман все же согласился со мной о их межледниковом (микулинском) происхождении, но с одной оговоркой, - они представляют собой большой отторженец. Далее спорить было уже бессмысленно.

Что касается послеледникового развития Ладожского озера, то наши представления с Илпо Экманом согласовались полностью. Об этом свидетельствует наша совместная статья, представленная академиком А.В.Сидоренко и опубликованная в ДАН (т.222. № 1. 1975).

Трудно стали складываться отношения с А.Д.Лукашовым. Наш удачный «тандем», сложившийся во время неотектонических ис-

следований в котловине Онежского озера, дал трещину, что не могло не сказаться на «внутриотрядных» отношениях. И это было трудно понять и пережить после стольких лет дружественных отношений. Мы с Надеждой почувствовали себя в какой-то степени изгоями и, как ни странно, Галина Сергеевна в немалой степени этому способствовала. Потребовались годы, чтобы Галина Сергеевна все же призналась, что тогда она была несправедлива к нам. Но, увы, это было тогда, когда мы все, – она, Надя и я находились уже на пенсии.

В 1975 году работы по Ладоге были завершены. Результаты исследований опубликованы в монографии «Ладожское озеро» (1978), которая в мире науки прошла незаметно и даже у нас удовлетворения особого не вызвала. Кто-то из рецензентов, не помню кто, назвал ее справочником по четвертичной геологии. В том же году Г.С.Бискэ подает прошение об отставке, и заведующим лабораторией четвертичной геологии и геоморфологии избирается А.Д.Лукашов.

В середине семидесятых годов заметно активизировалась связь с финскими геологами, и Илпо Экман был одним из первых, кто принимал в этом непосредственное участие. Уже во время его первой поездки финские геологи подвели его к краевым образованиям Сальпаусселькя с той, финской стороны, с целью показать их продолжение на территории Карелии.

Здесь будет уместно напомнить, что Г.С.Бискэ в течение всех лет своей плодотворной деятельности краевыми образованиями специально не занималась. Она следовала представлениям К.К.Маркова, что ледник в своей конечной стадии таял в неподвижном, так называемом «мертвом» состоянии, не совершая каких-либо «отступаний» и не образовывая конечные или краевые формы рельефа. Право называться краевыми образованиями в своем классическом понимании она оставляла только за конечно-моренной грядой Сальпаусселькя на самом юго-западе Карелии, где побывал И.Экман с финской стороны. Сам лично он придерживался иной точки зрения и отстаивал гипотезу о неоднократных «остановках» ледника во время его так называемого отступления с последующим образованием краевых форм в «стадиальном» режиме.

Подобный взгляд на процесс таяния последнего ледникового покрова был высказан геологом-четвертичником С.А.Яковлевым еще в 20-х годах прошлого столетия. На самом деле это было противоборство двух школ: Маркова (Москва, МГУ) и Яковлева (Ленинград, ВСЕГЕИ). Воодушевленный увиденным и услышанным И.Экман загорелся мыслью вновь рассмотреть проблему краевых образований Карелии, но уже со своей точки зрения. Он сумел своей идеей увлечь А.Лукашова, для которого, как молодого заведующего, это был подарок судьбы, суливший немалое поле деятельности. Мы с Надей к такому повороту событий не были готовы. Старомодность мышления, приверженность к прежним представлениям, нежелание оказаться к тому же «предателями», привело к тому, что в новой теме мы не сумели вписаться, мы не видели того, что видели наши коллеги. Старую собаку по-новому лаять не научишь. Мне осталось только одно: целиком уйти в диатомовый анализ, благо любые исследования в области четвертичной геологии всегда в нем нуждались и будут нуждаться. Итак, мною было начато изучение ископаемой диатомовой флоры двух межморенных горизонтов города Петрозаводска. Предстояло выполнить большой объем работы. Результаты этих исследований должны были быть опубликованы в совместном с И.Экманом научном труде, возможно даже в виде монографии. Когда работа была на две трети завершена, произошло самое непредвиденное.

В мае 1986 года А.Д.Лукашов сообщил мне, что у дирекции института геологии (и.о. директора тогда был М.М.Стенарь, вместо тяжело заболевшего В.А.Соколова) возникли финансовые и кадровые трудности, в связи с чем мне предлагается: а) выход на пенсию; б) подать заявление о переводе по собственному желанию (!) на должность старшего инженера с окладом в 175 рублей. Сценическая ремарка: год назад я прошел переаттестацию на старшего научного сотрудника.

Я останавливаюсь на сути предложенного. По большому счету, – дирекции виднее. Сказать, что я обиделся, – это ничего не сказать. И, тем не менее, я такое заявление написал. Мне очень хотелось закончить работу по петрозаводской межледниковой толще и одновременно отметить сорок лет службы в Институте геологии.

К ноябрю 1987 года работа была завершена. Написана история вопроса, дана описательная часть различных комплексов морских и пресноводных ископаемых диатомовых и составлен их систематический ряд и диаграммы развития. Дана также подробная характеристика палеогеографической обстановки межледникового миккулинского и средневалдайского времени. Все материалы были переданы И.М.Экману и я спокойно отправился на пенсию.

Итак, с 1 ноября 1987 года я был свободен. Прошло сорок лет, день в день, месяц в месяц. По странному совпадению в этом же году на пенсию ушла и Галина Сергеевна Бискэ. Закончился сорокалетний период нашей совместной работы. Как говорили древние римляне: *Finita la comedia*.

«ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД»

«Снег, снег, снег,
Чьи-то шаги в тишине,
Старый идет человек
По собственной седине».

Р.Рождественский

Задумываясь над тем, а что я буду делать на пенсии,- задачей трудной и почти неразрешимой, я случайно набрел в газете на объявление о наборе желающих поступить на вечерние курсы экскурсоводов. Я увидел в этом свое спасение. Это было именно то, что мне так было нужно.

1 октября 1986 года я был зачислен, а 11 мая 1987 года мне вручили удостоверение экскурсовода «Центрального совета по туризму и экскурсиям». Я снова нашел себя.

В те годы Петрозаводск был туристической «Меккой». Сюда почти ежедневно приезжали на поездах, автобусах и особенно летом на теплоходах. Порою у причалов нашего порта стояло до четырех кораблей. В дни своих каникул школьники приезжали «косяками». С ними я обычно ездил в Пряжу, им было интересно слушать о войне из уст ее участника. Я им говорил, что война – это огромная человеческая боль, что для нас фронтовиков, она действительно была священной, а для страны – всенародной. Меня слушали,- значит понимали.

Проводя экскурсии, я обычно делал основной акцент на историю нашего Петрозаводска, на основополагающей связи его с Петром I. Мое экскурсионное начальство прощало мой самовольный отход от обязательного плана ознакомления с промышленностью города. Я заменял скучный рассказ о тракторах кратким изложением истории Петра I с добавлением из «Медного всадника» А.С.Пушкина. Рассказывал я также и о Г.Державине, о его деятельности в должности губернатора Олонецкого края, о его неподкупности и щедрости. Приводил исторический факт, как на двадцати пяти подводках была привезена из Петербурга его личная библиотека в количестве трех тысяч книг, которую он, уезжая, подарил городу.

Летом Карелию посещали студенты географических факультетов разных вузов страны, я имею в виду ее европейскую часть. Они знакомились с городом и природными особенностями края. Постепенно возникла идея разработать специальную, доступную для будущих географов геологическую экскурсию по маршруту Петрозаводск – Гирвас, богатому интереснейшими геологическими и геоморфологическими объектами.

Хочу выразить свою глубокую признательность коллегам по институту, которые способствовали созданию этой экскурсии, предоставляя образцы и новейшие геологические материалы по заданному маршруту. С искренним дружеским чувством упоминаю: В.Макарихина, А.Рылеева, А.Светова, А.Голубева, Ю.Калинина, В.Пудовкина (простите, если кого и забыл, все же двадцать лет прошло).

Это совершенно новая для Карелии экскурсия постепенно приобрела широкую известность. Стали постоянно приезжать студенты географических факультетов пединститутов и университетов из Вильнюса, Новгорода, Киева, Ростова-на-Дону, Донецка, Свердловска и даже из Ташкента. Не могу забыть это коллективное «ох», когда экскурсанты сверху смотрели на древнее жерло вулкана в Гирвасе. Вспоминаю блеск в глазах студентов возле строматолитов у Пялозера, особенно когда я их просил не забыть рассказать своим будущим внукам и правнукам как они в своей юности стояли на том самом месте, где два миллиарда лет назад зарождалась жизнь на Земле.

Увы, пришло время, когда годы и профессиональные заболевания достали и меня. Пришлось отказаться от всех экскурсий, как городских, так и загородных. Особенно строго на позиции «нет экскурсиям» стояла моя жена Надежда Николаевна. Она придумала крылатую фразу: «Мне нужен ты, а не лежащий скелет», – против этого нечего было возразить. Ушло мое последнее профессиональное увлечение. Только потом я понял – что ни делается, все к лучшему. Совсем близко уже были те годы, когда туристов не стало, и даже студенты не могли более приезжать из-за элементарного отсутствия денег. Однако жизнь на этом не останавливалась, она продолжалась, приобретая другие формы и другое содержание. Мною овладело желание писать.

Постепенно стала выкристаллизовываться повесть «Дом на Зареке», о Карельском филиале, о Сайнаволоке и о моей причастности к ним. Набрался храбрости и отнес повесть главному редактору журнала «Север» О.Н.Тихонову. Должен признаться, что надежда на ее опубликование была почти нулевой. Велико было мое удивление и одновременно чувство радости, когда повесть была им принята и уже через два месяца она увидела свет в пятом номере журнала за 1998 год. В 2000 году повесть «Дом на Зареке» находит свое развитие в виде книги и под редакцией Г.Г.Скворцовой выходит в свет под названием «Во власти своей судьбы» с подзаголовком «роман-исповедь».

Книга взволновала многих читателей. Самой большой наградой прозвучало сообщение моей бывшей сослуживицы, что ее семнадцатилетняя дочь-школьница прочла книгу за одну ночь.

Увы, затем наступили трудные времена, даже очень. Инфаркт, а через месяц падение и сложный перелом тазобедренного сустава. Пять месяцев полнейшая неподвижность, в результате злейший атеросклероз обеих ног, из которых одна оказалась вдобавок еще и укороченной на десять сантиметров. Я лишился возможности свободно передвигаться по городу, стал пленником собственного дома. Мне казалось, что жизнь потеряла всякий смысл. И тут на глаза случайно попала книжка П.А.Борисова «О чем говорят камни Карелии», изданная еще в 1973 году. Оказывается, тридцать лет о Карелии популярно почти ничего не издавалось. И вспомнил я свои публикации научно-популярного характера в журнале «Север» о рельефе Карелии и газетные статьи «Загадка белого камня», «Почему трясется земля в Карелии», «Мамонт из Колодозера» и другие, о которых я уже и позабыл. Вспомнил свои успешные геологические экскурсии со студентами и решил написать популярно о геологии Карелии для старшеклассников и для всех тех, кому наш край не безразличен.

Книга писалась удивительно легко, я бы даже сказал с азартом. Так в 2005 году увидела свет книга «Земля, наш дом». В национальной библиотеке прошла ее презентация, собралось много народу. Положительно отзывались в своих рецензиях несколько газетных изданий Петрозаводска. Большая добрая рецензия появи-

лась даже в Москве в первом номере журнала «География» за 2006 год. Но, пожалуй, не это главное. Лучшей наградой для меня сегодня то, что книга «Земля, наш дом» имеется в каждой школьной библиотеке Карелии. Об этом позаботился заместитель министра образования А.С.Кармазин, по распоряжению которого Министерство приобрело более 400 экземпляров книги.

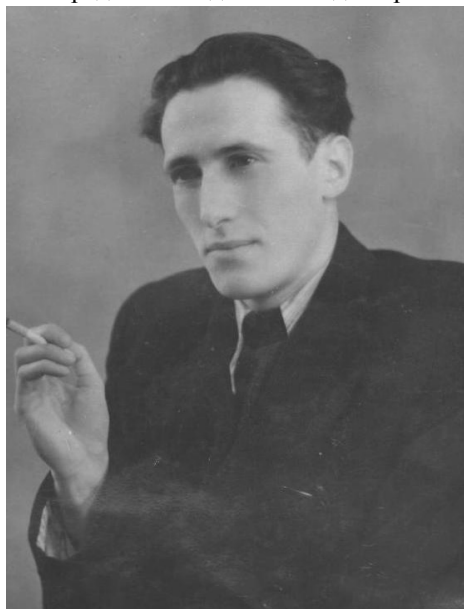
Нам уже даже не восемьдесят пять. Большая часть жизни принадлежит XX веку. Это был особенный век, полный драматических событий. Две мировые войны, фашизм, концлагеря, ГУЛАГ советского периода, голод, преследования инакомыслящих, бедность, жизненная неустроенность самого различного вида и свойства. И, тем не менее, поколение, которое из этого, уже прошлого XX века, не потеряв своего лица в самые трудные времена, сегодня о прожитой своей жизни может и вправе говорить с гордостью и достоинством.

«Мы все из двадцатого века,
Из времени бед и побед,
Где каждая жизнь – словно вежа
Для тех, кто отправится вслед».
А.Дементьев.

Петрозаводск, 2010

Начало начал. Середина пятидесятих годов прошлого столетия

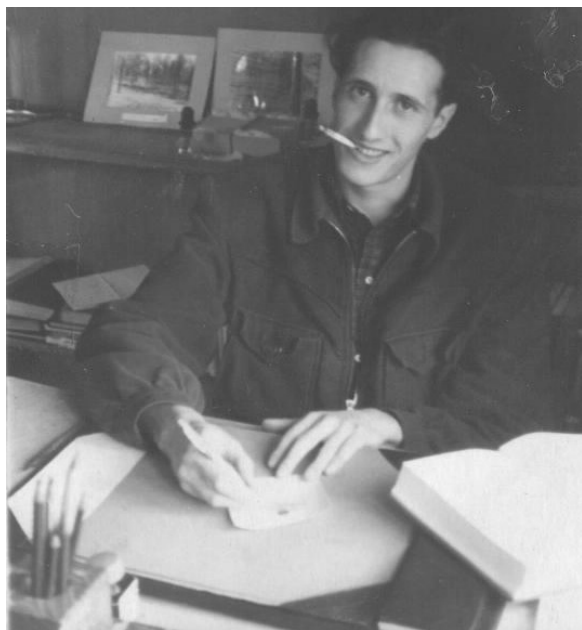
Самолеты Ш-2 и ПО-2,
на которых проводились аэровизуальные наблюдения

Г.Лак и летчик М.Косюк

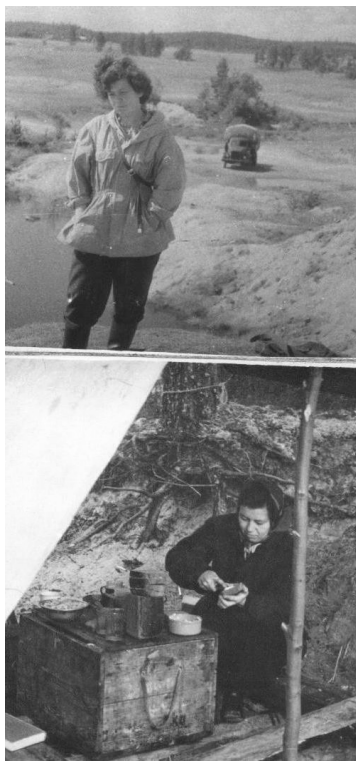

Сайнаволок. Микропалеоботаническая лаборатория. 1949 – 1979 гг.

Увы, это не «Бикини». Г.С.Бискэ и Н.Н.Горюнова.

«Лагерная» жизнь

Наш мотоцикл М-72 и его ездочка

Геологические будни

А что мы тут определяем ?

Отпуск. Рига, 1957 год

С.Кестеньга. В ожидании катера. 1957 год.

Киндасово.
Г.Лак и Н.И.Николаев (МГУ).
1977 г.

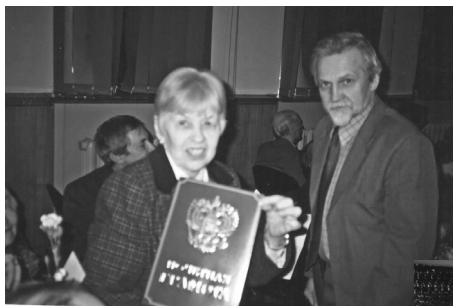
Северное Приладожье.
Полевой симпозиум. Е.В.Рухина
(ЛГУ), Г.Лак, А.С.Стрелков
(КолФАН СССР)

Н.Горюновой и Г.Лаку – сто лет на двоих. На верхнем снимке Г.М.Керт
поздравляет юбиляров. Сидят слева направо В.А.Соколов, Г.С.Бискэ и
Н.Н.Горюнова.

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ... В конференц-зале Карельского научного центра РАН, 2005 г.

Директор Института геологии В.В.Щипцов в центре среди ветеранов.
Слева направо Н.Н.Горюнова, Г.Ц.Лак, В.С.Куликов и А.И.Голубев.

Н.Н.Горюнова, Г.Ц.Лак

**ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
НАДЕЖДЫ И ГАРРИ**

(биографический очерк)

Фото на обложке *Т.С. Шелеховой*
г. Воттоваара

Подписано в печать 00.12.2010. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times».

Уч.-изд. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,1.

Тираж 120 экз. Изд. № 170. Заказ № 928

Карельский научный центр РАН,
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50